

Оперные вечера близ лагуны

Заметки о XIV фестивале имени М.Д. Михайлова в Чебоксарах

У нас в России все по-своему. И если старушка-Европа ударяется в фестивальный разгул летом, то мы предпочитаем поздней осенью и зимой – самое русское время для оперы. По мере увеличения сугробов фестивальное движение охватывает один за другим российские города и столицы бывших волжских автономий. Следом за нижегородской "Болдинской осенью" на другом берегу матушки-Волги, в трогательном Шупашкаре (аутентичное название всем известным Чебоксар), начинается Международный оперный фестиваль, посвященный славному басу, главному Сусанину русской сцены, уроженцу Чувашской земли (деревня Кольцовка) Максиму Дормидонтовичу Михайлову.

Новизна всегда рискует стать привычкой, а традиция – накатанным конвейером. И поскольку в таких "бедных" республиках, как Чувашия, не до жиру, то бог с ними, с актуальными современными постановками и технологиями. Главная художественная задача тут несколько иная – сохранить волнующую прелесть праздника, а нехудожественная – не лишиться патрона местной власти и фестивального бюджета, идущего с разных сторон. У каждого фестиваля своя железная схема, и успех зависит в принципе лишь от укомплектации спектаклей и концертов пригла-

шенными звездами, от их количества и качества.

После московской суеты, агрессии и слякоти чувашская природа врачует своей первобытной силой, главностью ритмов и мягкостью линий. И люди здесь немного другие – не только в силу этнических особенностей, но, скорее, под стать природе – спокойные, терпеливые, мягкие, по-детски непосредственные в восприятии искусства. Неподалеку от красивейшей чебоксарской лагуны, на берегу залива возвышается монолит Чувашского театра оперы и балета – и только очень романтически настроенному индивиду этот типовой проект 70-х может напомнить застывшего в камне конструктивистского лебедя, в просторечии же театр сравнивают с элеватором. Внутри – беломраморно-зеркальный антураж (в просторечии бетон-стекло), очень холодный зал, немного не дотягивающий до тысячи мест, и сцена с "мертвыми" акустическими зонами.

Формула Михайловского фестиваля укладывается всего в пять дней: обязательно последняя премьера (в этот раз "Борис Годунов"), далее сольный концерт приглашенной знаменитости (здесь уже пели Штоклов, Коссотто и Казарновская, а нынче Нина Раутио на пару с Мати Пальмом), далее какой-нибудь видный гостевой спектакль,

лауреат чего-нибудь, и лучше из столицы (прошлый раз "Мадам Баттерфляй" Театра Станиславского и Немировича-Данченко, а теперь легендарный коловбовский "Онегин" Новой Оперы), далее оперный шлягер местного приготовления с гастролерами и под занавес – гала-концерт со звездами истинными и мнимыми, греющими или только светящими, горящими и уже погасшими. Безусловным героем гала был выпускник Чебоксарского музыкального училища Андрей Ланцов, проснувшийся однажды знаменитым, после того как заменил Доминго в роли Отелло в Ла Скала. Что удивляло на сей раз, так это не всегда полный зал – максимальная цена билетов подскочила нынче аж до 700 рублей, что для чебоксарцев, живущих в "натуральном" стиле, является астрономически неподъемной суммой.

Несмотря на перманентное чередование главных дирижеров, режиссеров и директоров, театр ухитряется держаться в рамках санитарной нормы, а оркестр в умелых руках дирижера Сергея Вантеева, работавшего раньше в Нижнем, а потом в Турции (Мерсин), заиграл куда тоньше, чище и культурней. Действующий остаток золотого запаса чувашской оперы, такие мастера, как сопрано Алевтина Зинкина, колоратура Мария Еланова, тенор драматический Анатолий Ка-

нюка и тенор характерный Василий Васильев (выступавшие в "Борисе" в качестве Самозванца и Юродивого соответственно), баритон Петр Заломнов, приближаются к известной возрастной черте, а наследники в среднем поколении и среди молодежи тут и там не вышли породой. Хотя весьма хорошее впечатление в том же "Борисе" произвели Андрей Николаев в "михайловской" партии Пимена и Людмила Яковлева (Ксения).

"Борис" никогда прежде не шел на чебоксарской сцене, да и сейчас в скучном, сумрачном оформлении из холщовых тряпок, развешанных на скорую руку, вряд ли украсил ее, несмотря на наивно-веселенькую готику цветных витражей польской картины (костюм Самозванца, кстати, больше напоминал о царевиче Гвидоне). Эпизоды спектакля мелькают как в калейдоскопе, но ощущения единства и цельности эта динамика не прибавляет. На своих плечах всю ношу сполна вынесли дирижер и приглашенные из Большого театра протагонисты: Михаил Казаков (царь Борис) и Владимир Кудряшов (князь Шуйский), а такие вульгарные или беспомощные реприманды, как решение ролей Шинкарки, Марины Мнишек или Федора, хочется поскорее забыть.

"Травиата" в давней уже постановке также представляет собой

неизбывный тип костюмированно-го концерта и привлекала внимание участием красивой супружеской пары в главных ролях: Елены Вознесенской и Франсуа Суле (Альфред), которых полюбили здесь со времен прошлогодней "Кармен". И если Суле оказался артистичным, эмоциональным лирическим тенором, то Вознесенская щедро продемонстрировала свою фирменную (и, пожалуй, единственную) краску – щемящую хрустальную нежность. В партии Жермона лауреат многочисленных конкурсов, аспирант Московской консерватории китаец Цзян Шан Жун продемонстрировал то, что называется концентрацией среднего качества: выходцы из Азии сейчас действительно побеждают везде и всюду, поют ведущий репертуар во всех театрах мира, но, кроме Суми Йо, я что-то не могу вспомнить ни одной топ-фигуры.

Европейской выделки вокал интеллигентного эстонского баса Мати Пальма и в почтенном возрасте не вызывает никаких технических сомнений, но эмоционально оставил публику холодной. Если придирается, то спорным показалось лишь пение большинства оперных арий на эстонском языке. Что же касается Нины Раутио, то в ее внезапном явлении посреди чувашской зимы и была главная интрига фестиваля. Чтобы услышать диву, еще вчера гремевшую по всему миру Аиду, се-

годня пришлось ехать отнюдь не в Лондон, Нью-Йорк или Милан. Дело в том, что, устав от оперы, певица, по ее собственным словам, взяла двухгодичный тайм-аут для устройства семейных дел. И два года назад приехала сначала в Карелию, где в феноменально короткий срок успела побывать художественным руководителем Петрозаводского музыкального театра, а потом вернулась в Москву, где целый год успешно преподавала вокал в Свишниковской академии, изредка выступая в локальных концертах в Подмоскovie и даже в Сибири. Впрочем, сегодня, в очередной раз не понятая в отечестве, она вновь капитально перебазирована в родной Лондон, где уже куплен новый дом и агенты стоят в очереди с новыми предложениями...

В романсах Чайковского и Рахманинова энергетически сильная Раутио, как вампир, схватила зал за горло, мы услышали магнетический, до боли знакомый, но при этом совершенно новый голос. Да, это больше похоже теперь даже и не на какой-нибудь промежуточный регистр, а на полноценное меццо-сопрано, и я очень удивлюсь, если певица не использует этот шанс, как использовали его когда-то Регина Резник или Гена Димитрова.

Андрей ЛИПОВСКИЙ
Чебоксары – Москва

Кольцова-2004-16-22 дек-13

Михайлов М.Д. (пресловутый)

22.12.04

(15)